Астрономия, астрология и религия

Г. Е. Куртик

РЕЛИГИОЗНЫЕ И АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ, СВЯЗАННЫЕ С НЕБЕСНЫМИ СВЕТИЛАМИ

Хорошо известно, что астролатрия (поклонение светилам как божествам) и астрология (использование наблюдений светил для предсказания будущего) получили широкое распространены в Древней Месопотамии в III–I тыс.[1] Они составляли неотъемлемую часть месопотамского политеизма, в котором особое значение имело обожествление природных явлений и, в частности, небесных светил. Неразрывно связанные между собой астролатрия и астрология прошли длинный путь развития в Месопотамии. В том что касается религиозных аспектов восприятия светил, этот путь завершился крахом при столкновении с монотеистическими учениями, а в том что касается астрологии, напротив, выходом за пределы Месопотамии и последующим распространением во всем Ближневосточном регионе, в Центральной и Восточной Азии.

В настоящей работе мы рассмотрим важнейшие этапы в развитии астролатрии и астрологии в Древней Месопотамии.

Исследование опирается на широкий круг клинописных источников. Особое внимание будет уделено: 1) изучению наиболее ранних известных списков звезд, датируемых первой половиной II тыс. и других лексических текстов, ранних и более поздних, прежде всего списков богов; 2) исследованию текстов, входивших в состав астрологической серии «Энума Ану Энлиль» (*Enūma Anu Enlil*, букв. «Когда (боги) Ану и Энлиль», принятое сокращение *EAE*), датируемой второй половиной II – началом I тыс.; 3) астрономическому трактату «Мул Апин» (MUL.APIN, «Звезда Плуг»), который приобрел свою окончательную форму около 700 г.

[1] Все датировки в настоящей статье относятся к эпохе до н.э.

ИАИ. 2010. Вып. XXXV. С. 183–216. © Г.Е. Куртик

Три указанные группы источников содержат богатейший материал по истории астролатрии и астрологии в Древней Месопотамии, однако не исчерпывают интересующую нас тему. Мы будем привлекать также много других текстов и цитировать современные исследования, в которых рассмотрены различные аспекты почитания небесных светил и проблемы истории месопотамской астрологии в Древней Месопотамии в III–I тыс.

Поклонение светилам как божествам. Ранние свидетельства. Понятия «божественный» и «небесный» в Месопотамии были тесно связаны с глубокой древности. Один и тот же знак в протошумерских текстах и позднее в клинописи обозначал an «небо» и dingir «божество». В самом раннем пиктографическом варианте это была восьмилучевая или многолучевая звезда. Таким образом, изображение звезды имело стандартное значение «божество».

Поклонение светилам как божествам засвидетельствовано в Месопотамии уже в первой половине III тыс., а возможно, и ранее — в период архаического Урука (конец IV тыс.). В этот период и позднее в Месопотамии почитались три главных астральных божества — Нанна, Уту и Инанна, отождествлявшихся соответственно с Луной, Солнцем и Венерой[2]. Астральные божества занимали ведущее положение в месопотамском пантеоне уже в этот ранний период. В самом большом известном списке богов из Фары (XXVI в.), включающем около 300 имен, Нанна, Уту и Инанна стоят соответственно на 5-м, 6-м и 3-м местах [Krebernik 1986, p. 168][3], а в реконструированном П. Мандером списке богов из Абу-Салабиха (XXVI в.) имена Нанны и Инанны приводятся на 5-м и 6-м местах [Mander 1986, p. 5–18, 40][4].

Астральные символы, связанные с Солнцем, Луной и Венерой (изображение месяца, знаки восхода и захода Солнца, солнечные диски, восьмилучевая звезда), появляются в глиптике и керамике уже в конце IV – начале III тыс. С середины III тыс. они становятся постоянным элементом многих изображений в глиптике, имеющих религиозный характер. Три астральных символа — месяц,

[2] В архаическом Уруке находился храм бога неба Ана, и храм богини Инанны, которая, возможно, уже в этот ранний период отождествлялась с Венерой, как об этом свидетельствуют пиктографические тексты из Урука, на которых изображение восьмилучевой звезды стоит рядом со знаками восхода или захода Солнца и знаком Инанны, подробнее см. [Куртик, 2000а; 2009а]. Периодом Джемдет-Наср (начало III тыс.) датируется храм, посвященный лунному божеству Нанне в Хафадже [Ллойд, 1984, с. 106–110].

[3] Этот список имел, по-видимому, общемесопотамский значение [Lambert, 1969, p. 473].

[4] Имя Уту отсутствует, вероятно, вследствие повреждения таблички.

диск и восьмилучевая звезда в круге или без него — помещаются обычно в верхней части печати, отмечая «небо»[5]. Религиозный характер изображений заставляет предполагать также религиозный характер отдельных символов. Троица астральных богов как объект молитвенного обращения присутствует в ряде шумерских мифов, например в мифе «Царь в те дни», известном также под названием «Лугальбанда и Хурумкуррум»[6].

В текстах более позднего времени (II–I тыс.) различных категорий (лексических, религиозных, астрологических, астрономических и т. д.) содержится немало эпитетов и характеристик, в которых подчеркивается астральный характер Сина, Шамаша и Иштар, отождествляемых с Луной, Солнцем и Венерой[7]. В различных магических ритуалах и религиозных службах встречается также немало молитвенных обращенных к ним как к небесным божествам[8].

Каким было отношение к неподвижным звездам в III тыс., остается не до конца выясненным. Знак mul «звезда, светило», с эпохи архаического Урука вплоть до старовавилонского периода, изображался на письме в виде трех звезд [Labat 1976, p. 96–97, № 129a; ZATU, № 367]. Как мы уже говорили, звезда, помимо своего основного значения an «небо», имело также значение dingir «бог»[9]. Такого рода свидетельства о божественном статусе звезд в Месопотамии в III тыс. (до выделения созвездий), однако, можно рассматривать только как косвенные. Ряд фактов делают такую интерпретацию сомнительной.

Например, в гимнах лунному божеству Нанне, где речь идет о его пастушеской роли, звезды иносказательно (если мы правильно понимаем содержание этих гимнов) именуются овцами, коровами и быками, находящимися в загонах Нанны; характеристика, которая не предполагает, по-видимому, божественности самих звезд[10]. В уже упоминавшемся шумерском мифе «Царь в те дни...», со-

[5] Об астральной символике в Месопотамии III тыс. см. [Куртик, 1998].

[6] Транслитерация шумерского текста, перевод на английский язык и библиографию см. [ETCSL, 1.8.2.1]; перевод на русский язык см. [Афанасьева, 1997, с. 181–192; 2007, с. 62–71]; см. также [Куртик 2002, с. 289, прим. 80].

[7] См. [Tallqvist, 1938, S. 333, 336, 442–448, 453–460; Krebernik, 1995, S. 362–363; Wilcke-Seidl, 1976; Куртик, 2008, с. 41–43; Куртик, 2009b].

[8] Собрание такого рода молитв см. [Mayer, 1976; Куртик, 2007].

[9] Использование знака an в качестве детерминатива перед именами богов в свою очередь может служить аргументом в пользу того, что божественность в Месопотамии исходно была связана с небесной областью, символом которой считалась звезда.

[10] См. в этой связи [Куртик, 2002, с. 287–288; Куртик, 2009b].

держатся молитвенные обращения Лугальбанды о помощи к трем главным астральным богам, однако, звезды при этом не упоминаются [11]. Это может быть сюжетной случайностью, но может отражать также существенную особенность в восприятии звезд в Месопотамии в III тыс. Звезды как божества, вероятно, существенно уступали трем главным астральным богам в этот период.

Самым ранним примером отождествления звезды (планеты) с божеством служит, несомненно, Венера, связанная с шумерской богиней Инанной [12]. В лексическом тексте из Эблы (середина III тыс.) встречаем соотношение $^{\mathrm{d}}\mathrm{mul} = gag - gab_2$ (VE 791), букв. «Божество Звезда = звезда» [Pettinato, 1982, p. 288; Krebernik, 1992, p. 129], в котором знак mul (= звезда) явным образом определяется как божество; вероятно, здесь речь идет об Инанне.

Совершенно иная ситуация имела место в связи с созвездиями, которые *изначально* почитались как божества в Древней Месопотамии. Об этом свидетельствуют самые ранние известные тексты, несомненно связанные с созвездиями и звездами. В списках звезд, датируемых началом II тыс., содержатся названия вида $^{\mathrm{mul\ d}}\ldots$, букв. «звезда-божество...» или «звезда божества...» [13]. Среди них приводится также созвездие (звезда?) $^{\mathrm{mul\ d}}$Šul-gi, названное в честь обожествленного царя Шульги, правившего в эпоху III династии Ура (первая половина XXI в.) [MSL XI, p. 133, col. viii 41; p. 138, rev. ii 2′; Куртик, 2007, sh24] [14]. К старовавилонскому периоду относятся первые известные молитвы, обращенные к божествам-созвездиям; в них созвездия именуются по-аккадски «ночными божествами» (*ilī mušīti*). Божественный статус созвездий, таким образом, засвидетельствован в них явным образом [15]. Название «ночные божества» использовалось позднее во многих аккадских поэтических, религиозных и астрологических текстах [16]. В текстах I тыс. созвездия нередко именуются

[11] См. также [Куртик, 2002, с. 289, прим. 80].

[12] Инанна отождествлялась с планетой Венера, несомненно, в середине III тыс., но возможно и ранее — в период архаического Урука (подробнее см. [Куртик, 2000a; 2009a]).

[13] Примеры см. [Куртик, 2002, с. 288, прим. 76].

[14] $^{\mathrm{mul\ d}}$Šul-gi — единственное известное название, позволяющее датировать время выделения созвездия в Древней Месопотамии. Очевидно, оно было введено при жизни царя Шульги или вскоре после его смерти.

[15] См. [Шилейко, 1924; Dossin, 1935; Soden, 1936; Oppenheim, 1959; Horowitz 2000; Hor.-Wass., 1996].

[16] Например, в новоассирийском заклинании намбурби: «Встаньте передо мной, боги ночи (dingir.meš *mu-ši-tim*)...» [Куртик, 2007, с. 496]; см. также [Oppenheim, 1959; Reiner, 1995, p. 66–69].

просто «божествами» (без определения «ночные»), как, например, в астрономической серии ^{mul}APIN I iv 31, где созвездия из зодиакального пояса названы «божествами на пути Луны» (dingir.meš *ša i-na* kaskal ^{d}*Sin*) [MA, p. 67, 69].

Возникновение астрологии. Ранние свидетельства. Общепринятой считается точка зрения, согласно которой астролатрия, поклонение светилам как божествам, представляет необходимое основание для развития астрологии. История месопотамской астрологии подтверждает правильность этой точки зрения. Во-первых, если доверяться источникам, астрология в Месопотамии возникла гораздо позднее астролатрии. Во-вторых, ранние свидетельства о зарождении астрологии, имеют всегда религиозный или мифологический контекст, указывающий на тесную связь двух культурных явлений.

Вместе с тем очевидно, что астролатрия есть, хотя и необходимое, но отнюдь не достаточное условие для возникновения астрологии. Религиозное почитание светил не обязательно должно приводить к развитию астрологии; такая ситуация имела место, например, в Древнем Египте.

Однако в Месопотамии существовал целый ряд обстоятельств, который способствовал развитию астрологии. Главнейшее из них — это наличие других видов предсказательства, не связанных с небесными светилами. Наибольшее значение при этом имели гадания по печени (гепатоскопия) и по внутренностям жертвенного ягненка (эксциспиция), практиковавшиеся в Месопотамии уже в III тыс.[17] Характерная особенность этих видов гадания такова: перед его началом предсказатель обращался с молитвой к божеству, чтобы оно послало (букв. «написало») знаки на печени или внутренностях животного, которые можно было бы истолковать как знамения. В роли такого божества нередко выступал Шамаш [Rochberg, 2004, p. 2, note 6]. Таким образом, изначально гадание было религиозным действием, и это не могло не сказаться при возникновении астрологии.

Первые свидетельства о развитии астрологических представлений в Месопотамии относятся к концу III тыс. Однако они имеют не вполне ясный предположительный характер.

[17] В старовавилонский период были распространены также гадания по форме и перемещениям масляного пятна на поверхности воды (леканомантия) и гадание по движению струйки дыма из курильницы (либаномантия). О различных видах гадания в Древней Месопотамии см. [Оппенхейм, 1990, с. 164 и сл.].

Самым ранним таким свидетельством традиционно считается описание сна Гудеа, правителя города Лагаша (вторая половина XXII в.), которому во сне было объявлено о необходимости перестройки храма бога Нингирсу [18]. Сон Гудеа чрезвычайно сложен [19]; в нем Гудеа сначала нечто показывается, а затем, после того как он проявляет рвение и готовность исполнить волю божества, даются точные разъяснения. При этом несколько раз в разном контексте упоминаются звезды.

В описании сна можно выделить три основных фрагмента, связанных со звездами:

1) во сне Гудеа видит богиню Нисабу, которая держит в своей руке стиль и изучает табличку с небесными звездами, положив ее на колени [20]; данное действие каким-то не вполне ясным образом связано с процедурой построения храма; перед началом строительства требовалось получить какую-то информацию «от звезд» (или определить что-то «по звездам», неясно);

2) в повторном описании действия Нисабы объясняются следующим образом: «Чистую звезду для построения дома (храма — *Г.К.*) она тебе объявила» [21]; смысл данного отрывка как и предыдущего не вполне ясен; объявление звезды при строительстве храма может иметь астрологическое значение, но может быть также элементом религиозного ритуала, связанного со строительством храма или с его дальнейшим функционированием, где звезда есть божественный символ, а не астрологический;

3) в дальнейшем Нингирсу уже от своего имени объявляет своему служителю: «Чистую небесную звезду для (правильного совер-

[18] Описание сна Гудеа содержится в текстах так называемых «Цилиндров A и B» (Cylinders A and B). Транслитерации текстов, перевод на английский язык и библиографию см. [ETCSL, text 2.1.7]; неполный перевод на русский язык текста «Цилиндра A» см. [Афанасьева 1997, с. 235–242].

[19] Подробное описание сна Гудеа см., например, в [Франкфорт и др., 1984, с. 176–177].

[20] «Она (= Нисаба) положила табличку со звездами небесными на (свои) колени, изучая ее» (dub-mul-an du_{10}-ga im-mi-gál ad im-da_5-gi_4-gi_4) (Cyl. A IV 26–V 1) [Falkenstein, 1966, S. 65]. Другие варианты транслитерации и перевода этого фрагмента см. [Куртик 2002, с. 286, прим. 66; ETCSL, text 2.1.7:212–214]. Очерк, посвященный Нисабе и ее предполагаемой связи со звездами, см. также [Koch-Westenholz, 1995, p. 32–33; Куртик, 2002, с. 290–291].

[21] e_2-a du_3-ba mul-ku_3-ba gu_3 ma-ra-a-de_2 (Cyl A VI 1–2) [Fankelstein, 1966, S. 65]; аналогичным образом это место переводит Л. Оппенхейм [Oppenheim, 1956, p. 246]; в переводе И.Т. Каневой оно звучит иначе: «Она тебе сказала посредством яркой звезды о построении храма» [Канева, 1996, с. 39]; астрологическое значение цитируемого фрагмента при таком прочтении кажется более вероятным; в [ETCSL, text 2.1.7:139–140]: «Она (= Нисаба) объявила тебе предзнаменование священных звезд о строительстве храма».

шения) моих ритуалов я тебе объявил»[22]; этот отрывок перекликается с предыдущим и также по существу неясен; неясно в каком значении в нем упоминается звезда — является ли она средством, при помощи которого Гудеа передается информация о проведении ритуалов (и в этом случае мы имеем дело с астрологией) или же религиозным атрибутом храма, его небесным патроном, адресатом молитвенных обращений, что едва ли можно считать астрологией[23].

Хотя общий смысл сна Гудеа остается не до конца раскрытым, тем не менее его иногда рассматривают как самое раннее известное свидетельство о существовании в Месопотамии астрологических представлений [Fankelstein, 1966, S. 64–65]. Однако У. Кох-Вестенхольц, автор наиболее авторитетного в настоящее время исследования по истории месопотамской астрологии, отвергает такую интерпретацию. Она полагает, что в шумерских источниках нет следов какой-либо реальной астрологии. Истоки месопотамской астрологии следует искать, по ее мнению, не у шумеров [Koch-Westenholz, 1995, p. 32–34].

Второе свидетельство связано с «историческими омина». В некоторых предсказаниях по лунным затмениям из серии *EAE* (табл. 20–21) упоминаются имена шумерских царей, правивших в эпоху III династии Ура (XXI в.). Другие предсказания, содержащие упоминания исторических персонажей, «восходят» к еще более раннему времени, а именно, ко времени династии Аккаде (XXIV–XXIII вв.). Предполагается, что в основе этих предсказаний лежат подлинные наблюдения, а в толкованиях зафиксированы исторические события, которые на самом деле происходили в Месопотамии в соответствующий период[24]. Возникновение месопотамской астрологии, таким образом, датируется последней третью III тыс.

Ряд факторов, однако, заставляет усомниться в правильности этой гипотезы[25]. Нам она представляется весьма сомнительной,

[22] garza-ga$_2$ mul-an-ku$_3$-ba ga-mu-ra-a-de$_3$ (Cyl A X 10) [Falkenstein, 1966, S. 65]; в переводе И.Т. Каневой интересующий нас фрагмент звучит следующим образом: «О моих ритуалах с помощью чистой небесной звезды я обещаю тебе сообщить» [Канева, 1996, с. 150–151]; его возможный астрологический смысл кажется при этом более вероятным.

[23] Подробнее о соотнесении «храм–звезда» в Древней Месопотамии см. [Куртик, 2010].

[24] Данные о затмениях, предположительно наблюдавшихся в конце III тыс., можно использовать, согласно гипотезе П. Хубера, для астрономического датирования соответствующей эпохи [Huber, 1987], там же см. предшествующую библиографию.

[25] Критический анализ концепции «исторических омина», возможности их использования для датирования ранних этапов возникновения астрологии см. [Koch-Westenholz, 1995, p. 15–16, 34–36; Rochberg-Halton, 1988a, p. 7, note 32].

поскольку предсказания, в которых присутствуют имена шумерских царей, имеют вид, свидетельствующий об их позднем происхождении.

Например, в описании затмения, которое, согласно принятому толкованию, предшествовало смерти царя Шульги (дата затмения, по оценке Хубера: −2094, июль, 25), упоминается созвездие $^{\text{mul}}\text{A}_2^{\text{mušen}} = er\hat{u}$, «Орел», соответствующее современному Aquila [26]. Оно расположено вне зодиакального пояса, поэтому Луна не могла находиться в его пределах. Предсказание кажется астрономически бессмысленным. Противоречие будет снято, если предположить, что название «Орел» относится к созвездию MUL.MUL, «Звезды» (= Плеяды), как это принято в поздних астрологических комментариях I тыс. [27] Данное наблюдение будет иметь смысл лишь в том случае, если предположить его позднее происхождение.

Суммируя, можно сделать вывод: не существует надежных данных, указывающих на то, что месопотамская астрология уже существовала в каком-либо виде в конце III тыс.

Следующее свидетельство носит филологический характер. В лексической серии из Ниппура, восходящей к старовавилонскому периоду, встречаем тождество: MUL = *ši-ṭi-ir-tum*, букв. «Звезда = письмена» (Proto Aa 139:2) [MSL XIV, p. 94]. Термины *šiṭirti šamāmī*, *šiṭir samê* или *šiṭir burūmê* (букв. «небесные письмена») в значении «звездное небо, звезды» употреблялись позднее во многих текстах различного происхождения [CAD Š/III, p. 144–146]. Уподобление звезд письменам, безусловно, имеет какой-то астрологический подтекст. По-видимому, знамения, связанные с небесными светилами, трактовали в этот период как «послания», начертанные божеством на поверхности неба и адресованные человеку [28].

Свидетельства старовавилонского времени, касающиеся распространения астрологии, более определенные. Они происходят из Вавилонии, но также из регионов, находившихся за ее пределами (Мари, Богазкёй, Эмар, Катна, Алалах, Угарит, Сузы и др.) [29], и

[26] Приведем соответствующий отрывок: «Наблюдай его (Сина) последнюю видимость 28-го нисану, и в Орле он стал темным и низким, и взошел» (*ina Nisanni* UD.28.KAM *rēš tāmartišu tammarma ina erî adirma ušappilma ippuḫ*) [Rochberg-Halton, 1988a, p. 189, 191–192, line 8].

[27] Об отождествлении «Орел = Звезды (= Плеяды)» в поздних астрологических комментариях см. [Куртик, 2007, a04 VI (5)].

[28] См. в этой связи также [Rochberg, 2004, p. 2].

[29] Региональные тексты предсказаний написаны не только по-аккадски, но являются, по-видимому, переводами с аккадского, и датируются серединой II тыс. (конец старовавилонского или начало средневавилонского периода).

касаются предсказаний по движению Луны, лунным и солнечным затмениям [30].

Старовавилонским периодом датируются также наблюдения гелиакических восходов и заходов Венеры, производившиеся в эпоху правления царя Амми-цадуки [31]. Астрологический характер этих наблюдений не вызывает сомнения. Они построены по стандартной схеме, принятой во всех текстах серии *EAE*, где каждая строка имеет вид: «Если (на небе) произошло (событие) A, то (на земле) последует B». Луна, Солнце и Венера, несомненно, уже рассматривались как важнейшие источники астрологических предсказаний в старовавилонский период. Относительно других планет и созвездий мы не располагаем столь же определенной информацией [32]. Фактически у нас нет данных, говорящих о том, что неподвижные звезды играли какую-либо роль в астрологии в старовавилонский период [33].

Наблюдения звезд как источник астрологических предсказаний. Ситуация меняется во второй половине II тыс. Этим периодом датируется создание основного месопотамского астрологического компендиума, известного под названием «Энума Ану Энлиль» (*EAE*) [34]. Тексты этой серии размещались на 70 клинописных таблицах и включали около 7000 предзнаменова-

[30] Обзор старовавилонских астрологических источников см. [Оппенхейм, 1990, с. 178, прим. 79; Rochberg-Halton, 1988a, p. 19 и сл.; Koch-Westenholz, 1995, p. 36–41; ASM, p. 7–11]; обзор специально хеттских источников см. [Güterbock, 1988; Koch-Westenholz, 1993].

[31] Фундаментальное издание см. [BPO 1]; описание на русском языке, не потерявшее своего значения, см. [Ван дер Варден, 1991, с. 57–65].

[32] За исключением Марса; связанные с ним предсказания («Марс взойдет и погубит скот»), датируемые концом старовавилонского – началом средневавилонского периода, см. [Куртик, 2007, с. 260–461].

[33] Списки звезд в лексических сериях, датируемые первой половиной II тыс. [MSL XI], не содержат какой-либо астрологической информации. Широко известная «Молитва к ночным богам» старовавилонского времени представляет собой часть религиозного ритуала, связанного с гаданием по внутренностям жертвенного животного. Зафиксированное в ней обращение к божествам-созвездиям составляет часть этого ритуала; однако само предсказание делается не на основе наблюдений светил, и потому весь текст не может считаться астрологическим.

[34] Большинство текстов из этой серии сохранилось в новоассирийских копиях, происходящих из библиотеки Ашшурбанапала, и нововавилонских копиях. Однако свою каноническую форму серия приняла, по-видимому, уже к концу XII века. Об этом свидетельствуют тексты с предсказаниями из библиотеки Тиглатпаласара I (1115–1077), которые имеют вид, принятый позднее в копиях в I тыс. Самые ранние фрагменты, включенные в серию, восходят к старовавилонскому периоду, однако основной массив предсказаний появился в касситский период. Особое значение имели при этом фамилии писцов из Урука и Вавилона.

ний [35]. Их продолжали копировать и комментировать на протяжении всего I тыс. вплоть до селевкидского периода. Параллельно существовали и другие астрологические тексты, не входившие в состав этой серии, но тесно связанные с нею [Weidner, 1941–1944, S. 182], а также устная традиция, нередко цитируемая в новоассирийских письменных источниках. В литературе I тыс. встречаются предсказания, основанные на этих независимых источниках [36]. Астрологическая литература формировалась в рамках общемесопотамской научного канона; особенности стиля, сложившегося в других видах предсказаний, получили отражение в астрологических текстах [37].

Как мы уже говорили, предсказания строились по единой схеме: каждое подразделялось на две части — про́тасис (наблюдаемое явление, астрономическое или метеорологическое) и апо́досис (собственно предсказание, относящееся к царю, его семье и стране в целом). Насколько позволяют судить наши источники, месопотамская астрология развивалась первоначально только как инструмент, обслуживающий запросы царской власти. Связь с другими видами предсказательства сказалась в особом отношении к небесным явлениям, трактовавшимся как знаки, предупреждения, послания, которые божество посылает человеку. Божества-светила не оказывали прямого воздействия на земные события, как это предполагалось позднее в греческой астрологии, хотя и почитались как божества [38].

[35] Вопрос о числе таблиц в серии *EAE* дискуссионный; согласно одной системе нумерации таблиц было 68, согласно другой — 70 [BPO 2, p. 23]. Тексты серии до сих пор не изданы в полном виде, поэтому выводы, касающиеся как серии в целом, так и частностей, можно рассматривать лишь как более или менее вероятные гипотезы. Издание автографий и транскрипций, не потерявшее своего значения до настоящего времени, см. [ACh]; обзор содержания серии до 50-й таблицы включительно см. [Weidner, 1941–1944; 1954–1956; 1968–1969]; издание таблиц 15–22, 29 с предсказаниями по лунным затмениям см. [Rochberg-Halton, 1987a; 1988a], по движению Луны и связанным с нею явлениям см. [Verderame, 2002], предсказания по солнечным затмениям см. [Soldt, 1995]; предсказания по движению планет и неподвижным звездам см. [BPO 2; Largement, 1957], по движению Венеры и Юпитера см. [BPO 3, 4]; издание и исследование специально 14-й таблицы см. [Al-Rawi, George, 1991–1992].

[36] Пометки «устное сообщение» (*ša pī ummâni*, букв. «изо рта эксперта»), касающиеся толкований небесных знамений, приводятся в письмах ученых Эсархадону и Ашшурбанапалу [Rochberg-Halton, 1984a, p. 130, note 15].

[37] О сложностях определения понятия «письменный канон» в клинописной научной литературе см. [Rochberg-Halton, 1984a].

[38] Исключением можно считать некоторые магические ритуалы, принятые в медицинской практике, где влияние звезд рассматривалось как необходимая составляющая в приготовлении лекарства, без которой лекарство не будет действовать [Reiner, 1995, p. 48 и сл.].

Тексты серии *EAE* показывают, что в период, когда она создавалась, уже не только Луна, Солнце и Венера считались источниками астрологических предсказаний, но также другие планеты, видимые невооруженным глазом, созвездия и отдельные звезды. По содержанию протасисов серия подразделяется на четыре части: предсказания, основанные на наблюдениях (1) Луны, (2) Солнца, (3) метеорологических явлений, (4) планет и неподвижных звезд [39]. Предсказания, связанные с Луной, Солнцем и Венерой, вероятно, хронологически были первыми. В дальнейшем число объектов и связанных с ними явлений, используемых для предсказаний, расширилось. Добавились планеты, созвездия и отдельные звезды, необычные звездные объекты — падающие звезды, кометы, метеоры и т. д. Такой порядок развития представляется естественным, если учесть ту уникальную роль, которую троица великих астральных богов — Син, Шамаш и Иштар — играли в месопотамском пантеоне.

Рассмотрим подробнее наблюдения звезд и планет, используемых в текстах серии *EAE* и других астрологических текстах, принадлежащих к той же традиции.

1. *Гелиакические восходы и заходы* впервые встречаются в старовавилонский период в связи с Венерой; даты восходов и заходов 36 неподвижных звезд/созвездий по 3 в каждый из 12 месяцев приводятся в «Астролябиях», звездных календарях, предназначенных для регулирования вставок дополнительных лунных месяцев; использовались самостоятельно и в составе серии *EAE*, самая ранняя известная копия датируется XII веком [40]; астрологическое значение имели следующие явления:

а) восход/заход, происшедший в ожидаемое время и при обыкновенных обстоятельствах; время восхода считалось соответствующим норме, если звезда (созвездие) становилась видна именно в тот месяц, который указан в «Астролябиях» (*ina* UD.DUG$_4$.GA-*šu*$_2$ = *ina addanišu*, букв. «в установленное время»), и при этом не наблюдалось аномальных явлений;

б) восход/заход, который произошел с отклонениями от установленной нормы; учитывались отклонения двух видов — по времени (более поздние, более ранние — *ina la* UD.DUG$_4$.GA-*šu*$_2$ = = *ina la addanišu*, букв. «в неустановленное время» и пропуск яв-

[39] В издании Вироло [ACh] они обозначаются именами соответствующих аккадских богов: Син (*Sîn*, Луна), Шамаш (*Šamaš*, Солнце), Адад (*Adad*, бог грозы и ветров) и Иштар (*Ištar*, Венера).

[40] Подробнее о наблюдениях гелиакических восходов и заходов звезд в Древней Месопотамии и соответствующую литературу см. [Куртик, 2005].

ления, невозможность наблюдать из-за облаков или по каким-либо другим причинам)[41] и по наблюдаемым при восходе явлениям, связанным с данным созвездием; в протасисе могли отмечаться вид различных частей созвездия, его общий вид, положение относительно горизонта, направление ветра и другие обстоятельства.

2. *Общий вид созвездия*, не связанный с гелиакическими восходами; астрологов интересовали изменения блеска, характера свечения, цвета, появление в пределах созвездия или в непосредственной близости от него необычных объектов (гало, кометы); каждое такое явление, трактовалось как особый знак; нормальное состояние трактовалось также как знак[42], но особое внимание привлекали отклонения от нормы; при этом фиксировали:

а) ослабление блеска созвездия или его частей, слабость блеска отдельных звезд[43];

б) необычную яркость или усиления блеска созвездия в целом или отдельных его частей[44];

в) мерцание, быстрые изменения в положении, блеске или цвете звезды, обусловленные интерференцией при прохождении световых лучей через неоднородную воздушную среду; вероятность наблюдения подобных явлений была особенно высока, когда звезда находится вблизи горизонта[45];

---

[41] Расхождение между ожидаемым (зафиксированным в лунном календаре) и наблюдаемым временами восхода (захода) звезды неизбежно должно было происходить, поскольку время гелиакического восхода (захода) астрономически фиксировано относительно сезонов, в то время как начало последовательности лунных месяцев должно сдвигаться относительно сезонов, становясь все более ранним. Поэтому, если не производить вставок дополнительных месяцев, дата восхода звезды будет становиться все более поздней. Но и при наличии вставок (которые, как нам известно, производились во II тыс. нерегулярно) возможна ситуация, при которой восход созвездия будет зафиксирован ранее установленной в «Астролябии» даты. Обе возможности трактуются в протасисах как астрологически значимые события.

[42] Нормальный вид созвездия отмечался логограммой SAG.UŠ = *kajānu*, что означает «нормальный».

[43] Существовал целый набор терминов, с помощью которых отмечались необычная тусклость, слабость блеска, или полная невидимость созвездия или звезды. Отсутствие видимости, из-за облаков или по каким-то другим причинам, отмечалось как *adir* (претерит от глагола *adāru* «быть темным, тусклым», «затмеваться, исчезать», шум. KA×MI). Этот же термин использовался при описании затмений Солнца или Луны [Rochberg-Halton, 1988a, p. 158]. В некоторых случаях употреблялись производные от глагола *daʾāmu*, «быть темным, тусклым, мрачным», а также от глагола *ekēlu*, «становиться тусклым, слабым».

[44] В этом случае использовался глагол *baʾālu* «сверкать, иметь большой блеск», или *nabāṭu* «блестеть, сверкать, сиять». Созвездия или звезда с необычным блеском иногда поэтически уподобляется факелу или Солнцу.

[45] При описании этих явлений употреблялись глагольные формы *ittananbiṭu*, букв. «сияют ярко повторно» и *ittananpaḫu* «вспыхивают опять и опять» (Pres., Plur. породы Ntn от глаголов *nabāṭu* и *napāḫu* соответственно). Известно, что

г) цвет созвездия или отдельных его частей; в астрологических предсказаниях при описании светил встречаются четыре цвета — белый, черный, зеленый и красный [46]; в нормальной ситуации цвет звезды считался белым, однако при восходе вблизи горизонта вследствие рефракции могло иметь место разложение на цветовые составляющие, которое фиксировалось наблюдателями и интерпретировалось астрологически [47];

д) гало, метеоры, кометы, наблюдаемые в пределах какого-либо созвездия или в непосредственной близости от него [48].

3. *Относительные положения и движения созвездий*; в ряде протасисов в качестве основы для предсказаний предполагается

порода Ntn аккадских глаголов применялась обычно для выражения привычного, повторяющегося или протяженного во времени действия. В астрономической и астрологической литературе, в частности в MUL.APIN, она используется при описании периодических движений светил [BPO 2; MA].

[46] Соответственно BABBAR = *peṣû*, «белый», MI = *ṣalmu*, «черный», SIG_7 = = *arqu*, «зеленый», SA_5 = *sāmu*, «красный». Любопытно, что в шумеро-аккадской литературе вообще не содержится других упоминаний о цветах, кроме перечисленных четырех. В работе, специально посвященной данному вопросу, Б. Ландсбергер к четырем указанным цветам добавляет только GUN_3.A = = *burrumu*, «пестрый, многоцветный», SIG_7 трактуется им как «желто-зеленый» [Landsberger, 1967, S. 140]. В издании MUL.APIN (II i 59, II iii 19) SIG_7 = *arqu* трактуется как желтый [MA, p. 84, 109], то же самое в [Rochberg-Halton, 1988a, p. 56], а в [BPO 2, p. 19] как зеленый.

[47] Цвет соотносится, как правило, с отдельными звездами или частями созвездий, например: «Если передняя звезда созвездия Анзу очень красная...» [BPO 2, Text XVI 10], или «Если грудь созвездия Старик очень черная...» [ibid, Text, XV 9]. Однако в некоторых случаях цвет соотносится со всем созвездием, что трудно объяснить астрономически, например: «Если созвездие Льва очень черное...» [BPO 2, Text XV 14], или «Если созвездие Энмешара очень красное...» [ibid, Text XVI 12]; месопотамское созвездие Льва очень протяженное, трудно предположить, что звезды, входящие в него, все красные. Полные тексты предсказаний, приведенных в этом примечании, см. [Куртик, 2007, с. 132, 221, 487, 577].

[48] Гало обозначалось шумерограммой TUR_3 = *tarbaṣu*, букв. «загон (для скота)». Терминология, касающаяся метеоров, сложна и неоднозначна. Выделяют всего пять терминов, употреблявшихся в различные периоды: *kiṣru*, букв. «ком (большое количество чего-нибудь), узел», MUL.AN.TA.ŠUR/SUR.RA = = *ṣāriru*, «сверкающая звезда», MUL.AN.TA.ŠUB.ŠUB.BA, «звезда, падающая сверху», MUL.GAL, «большая звезда» и MUL, «звезда». Объекты, обозначаемые этими терминами, обладают сильным свечением (вспыхивают, сверкают) и быстрым движением среди звезд. Стандартный термин для обозначении комет — *ṣallummû*. Появления метеоров и комет считались важными знаками, требующими истолкования, например: «Сверкающая звезда (^{mul}AN.TA.SUR.RA) к усилению ветра» [BPO 2, Text III 6; Куртик, 2007, с. 57]. При этом нередко фиксировалось также положение объекта относительно созвездий, например: «Если комета поворачивает к началу созвездия Поле...» [ibid, Text XV 23]. Подробный анализ терминов и текстовые примеры, связанные с метеорами и кометами, см. [Chadwick, 1993].

изменение положения созвездий друг относительно друга, перемещение звезд в пределах одного созвездия, а также изменение величины и формы созвездий; наличие такого рода предсказаний — одна из самых труднообъяснимых черт астрологии предзнаменований; можно выделить при этом следующие основные ситуации, в которых предполагается относительное движение созвездий или звезд:

а) в ряде протасисов утверждается, что созвездие «приближается к» (TE = *teḫû*) или «достигает» (KUR = *kašādu*) пределов другого созвездия; иногда говорится о том, что созвездие «подходит близко к» (*iqrib*), «проходит близко от» (DIM_4 = *sanāqu*) или «оставляет позади» (*ēzib*) другое созвездие или его часть; при этом в качестве того, что движется, выступает, как правило, созвездие, а целью предполагаемого движения может служить как другое созвездие или его часть, так и планета [49];

б) в других случаях речь как будто идет об изменении положения отдельных частей созвездий друг относительно друга или же об изменении размера, а также формы созвездий [50].

Высказывается несколько гипотез, объясняющих смысл подобных протасисов. Согласно одной из них, речь в них идет не о движении созвездий или неподвижных звезд, а о планетах, перемещающихся относительно друг друга или неподвижных звезд. Отождествления названий созвездий с названиями планет встречаются во многих текстах I тыс. различного происхождения, в том числе в поздних комментариях к предсказаниям из серии *EAE* [51].

Однако, как заметил Д. Пингри, наличие подобных отождествлений едва ли могут объяснить происхождение протасисов, в кото-

[49] Приведем несколько примеров: «Если созвездие Коза достигает (KUR-*ud*) созвездия Бороны...» [BPO 2, Text II 12e], или «Если созвездие Старик оставляет позади (*e-zib*) созвездие Посох...» [ibid, Text XV 8], или «Если созвездие Рыба приближается (TE) к созвездию Лук...» [ibid, Text XVI 17], или «Если созвездие Истинный Пастух Ану подходит близко (*iq-rib*) к левой стороне созвездия Звезды...» [ibid, Text XVIII 8]; «Если созвездие Лук близко подходит (DIM_4) к Юпитеру...» [ibid, Text XIII 8]. Полные тексты предсказаний см. [Куртик, 2007, с. 92, 93, 151, 263, 489].

[50] Например: «Если созвездие Червь массивное (*gup-pu-šat*)...» [BPO 2, Text XV 25], или «Если его (созвездия Поле) верхние звезды соединились, вар.: едут верхом одна на другой (*rit-ku-su* KI.MIN U_5.MEŠ)...» [ibid, Text XII 12], или «Если Звезды (= Плеяды) удлинились и почернели (*šat-ḫu-ma u* MI.MEŠ)...» [ibid, Text XV 28], или «Если пасть созвездия Свинья открыта (KA-*šú* BAD)...» [ibid, Text XVII 4]. Полные тексты предсказаний см. [Куртик, 2007, с. 347, 477, 514].

[51] Принятые в месопотамской астрологии отождествления «созвездие = планета» см. [Куртик, 2007; Gössmann, 1950].

рых предполагается движение созвездий друг относительно друга. Между эпохой составления предсказаний и временем появления комментариев прошло несколько столетий: нет оснований полагать, что авторы комментариев лучше понимали содержание протасисов, чем в настоящее время пониманием их мы. Эти комментарии были всего лишь поздними попытками объяснить то, что казалось непонятным переписчикам и редакторам текстов с позиций астрономических знаний своего времени. Признавая общую неразрешимость проблемы на данном этапе, Д. Пингри, тем не менее, предлагает несколько естественных объяснений для ряда протасисов, где речь идет, по-видимому, о суточном движении неподвижных звезд, о прохождении через горизонт и меридиан, о совместных восходах, заходах и кульминациях, а также о «наблюдаемых» изменениях фигур созвездий [52].

Не ставя под сомнение правомочность такого рода объяснений, мы хотим, тем не менее, обратить внимание не следующую возможность. Как известно, содержание многих протасисов в серии *EAE* не имеет никакого отношения к наблюдениям. Они построены схематически по определенному образцу, зафиксированные в них явления не наблюдались в действительности [53]. Содержание подобных протасисов есть, по-видимому, результат теоретической деятельности писцов, пытавшихся распространить известный им опыт на неизвестную, но мыслимую ситуацию. Не исключено, что протасисы, в которых предполагается движение созвездий или звезд друг относительно друга, принадлежат к той же категории.

Вероятно, существовало некоторое расстояние между группой писцов, занимавшихся переписыванием и общим редактированием содержания текстов серии *EAE*, и астрологами-практиками, производившими астрономические наблюдения. Текст составлялся в соответствии с каноном, принятым в других областях предсказательства. «Недостаток» информации, поступавшей от наблюдателей, дополнялся и исправлялся писцами в соответствии с их представлениями о том, что на самом деле должно было иметь место в небесной области. Элементы воображения при этом тес-

[52] См. [BPO 2, p. 20–21, 70]. Например, «удлинение» Плеяд, с его точки зрения, может быть объяснено диффузией их света в туманную ночь, а «открывание рта» у созвездия Свиньи тем, что часть звезд в этом созвездии были затемнены.

[53] Примером могут служить предсказания по лунным затмениям. В них, в частности, предполагается возможность лунного затмения в любой день лунного месяца, а не только в середине месяца, как это должно быть на самом деле. То же самое относится к предсказаниям по солнечным затмениям. См. соответствующие статьи в [Gössmann, 1950].

нейшим образом переплетались с результатами астрономических наблюдений.

Не исключено также, что здесь мы имеем дело с архаической идеей, трактовавшей каждое созвездие как самостоятельное божество-светило, способное двигаться. Неизменность положений звезд и созвездий друг относительно друга была установлена позднее на основе наблюдений [54]. Для того чтобы нейтрализовать эту идею, в комментариях более позднего времени приводились отождествления названий созвездий с названиями некоторых планет [55]. Таким образом последующие поколения писцов пытались исправить астрономические несуразности, присутствующие в ранних текстах серии *EAE*.

Астрологическая роль зодиака. После открытия планет как особой категории светил [56] и развития астрологических представлений, связанных с ними, особое значение приобрели созвездия, расположенные в зодиакальном поясе. Можно предполагать, однако, что это произошло далеко не сразу. Первоначально зодиакальные созвездия никак не выделялись на фоне других созвездий. Такая ситуация имела место в ранних списках звезд, датируемых первой половиной II тыс., в молитве ночным богам старовавилонского периода, в звездных календарях «Астролябиях» и в текстах серии *EAE*. Самое раннее известное подразделение месопотамских созвездий на группы, так называемые звезды Энлиля, Ану и Эа, носит принципиально незодиакальный характер: границы трех областей не связаны с зодиакальным поясом [57].

В серии *EAE* зодиакальные созвездия никак особо не выделены. Они встречаются не чаще других созвездий, и связанные с ними предсказания носят стандартный характер. Особый интерес

[54] Идея о неподвижности звезд друг относительно друга, насколько нам известно, нигде в клинописной литературе в явном виде не сформулирована. Вместе с тем очевидно, что астрономы-наблюдатели в I тыс. принимали ее как безусловную данность в своих наблюдениях и теоретических построениях. Списки *ziqpu*-звезд, используемых в роли звездных часов, и список «нормальных звезд» как шкала для фиксации положений Луны и планет в зодиакальном поясе имеют смысл лишь в том случае, если предполагается относительная неподвижность звезд.

[55] Многочисленные примеры подобных отождествлений см. [Куртик, 2007].

[56] А это произошло, по-видимому, уже в начале II тыс. Планеты как особая категория светил ^{mul}UDU.IDIM = *bibbu*, букв. «дикая овца», выделяются терминологически уже в самых ранних списках звезд, однако их точное число и характер их движений еще не были, по-видимому, точно установлены в этот период. Подробнее см. [Куртик, 1999].

[57] Подробнее см. [Куртик, 2000b, с. 147–149].

для нас представляют наблюдения прохождений планет через пределы созвездий. Однако в опубликованных к настоящему времени текстах серии *EAE* содержится очень немного подобных наблюдений. В основном они касаются Скорпиона, Близнецов и Плеяд [58]. В предсказаниях, связанных с наблюдениями затмений Луны, созвездия также практически никакой роли не играют [Rochberg-Halton, 1988a, p. 62–63].

Ситуация меняется в начале I тыс. К этому времени относится создание астрономической серии MUL.APIN, где созвездия в зодиакальном поясе, общим числом 18, впервые выделены явным образом как «божества на пути Луны» (I iv 31- II i 8). В письмах и рапортах придворных астрологов ассирийским царям, датируемых VII веком, содержится много сообщений о наблюдениях прохождений планет через пределы созвездий и приводятся связанные с ними астрологические предсказания [59]. Они свидетельствуют об усилении интереса к изучению движений планет относительно зодиакальных созвездий.

Изменения коснулись также предсказаний, связанных с лунными затмениями. В некоторых текстах, датируемых приблизительно серединой I тыс., протасис имеет следующий вид: «Если Луна затмилась в созвездии...» [60]. Предсказание приобретает, таким образом, более сложный вид: в нем учтены сразу два компонента — воздействие Луны и влияние созвездия, ранее трактовавшиеся как два независимых источники астрологического влияния.

Как уже отмечалось, первоначально в зодиакальном поясе выделяли всего 18 (по другой версии прочтения — 17) созвездий, через пределы которых проходят (или их касаются) Луна, Солнце и пять планет. Эти созвездия не были никак структурно организованы, в MUL.APIN приводится просто список созвездий, расположенных по возрастанию долготы, и к тому же непол-

[58] Например, «Если Марс приближается к Скорпиону...» [BPO 2, Text III 8], или «Если Странная звезда (эпитет Марса) приближается к Близнецам...» [ibid, Text 12a]. См. также [Куртик, 2007, с. 294, 471].

[59] Наблюдения касаются всех планет. В них отмечаются не только прохождения планеты через созвездие или какую-либо его часть, но также попятные движения, стояния, изменения блеска и т. д. Многочисленные примеры см. [ARAK; LABS; Куртик, 2007].

[60] [d]30 *ina* KI MUL. AL.LUL (вар.: MUL.MES IGI.MEŠ *šá* MUL.AL.LUL, MUL.MEŠ EGIR.MEŠ *šá* MUL.AL.LUL, MUL.*A-nu-ni-tum*, MUL.SIM.MAH, MUL.LÚ.HUN.GA) *a-dir*, букв. «Син затмился в пределах созвездия Краб (вар.: передних звезд Краба, задних звезд Краба, созвездия Ануниту, созвездия Ласточка, созвездия Наемник)» [Rochberg-Halton, 1988a, p. 219, 285–287].

ный [61]. Переход к хорошо знакомой нам системе из 12 созвездий произошел позднее. Он связан с развитием методов математической астрономии, в которой вычислялись видимые положения светил и даты характерных явлений, имеющих как астрологическое, так и астрономическое значение. Важнейшим этапом стало введение эклиптики — большого круга на небесной сфере, относительно которого определялись положения светил. Эклиптика подразделялась на 12 равных частей по 30° каждая, так называемые знаки зодиака [62]. Названия знаков зодиака копировали названия соответствующих созвездий из зодиакального пояса. В дальнейшем 12-частное деление эклиптики распространили и на полосу зодиакальных созвездий. Созвездия, названия которых не использовались для обозначения знаков зодиака, постепенно выходят из употребления. Если раньше астрологическое значение имели все созвездия, то, начиная приблизительно с 400 г., в текстах предсказаний и наблюдений мы встречаем в основном 12 зодиакальных созвездий в различных комбинациях [63].

Среди концепций, развитых в Месопотамии в связи с зодиакальными созвездиями, особое значение в дальнейшем приобрел тригональный аспект. В явном виде эта концепция в месопотамских источниках нигде не упоминается. Известен, однако, один текст, датируемый приблизительно 400 г. или чуть более поздний [64], с предсказаниями по затмениям Луны и двум неблагоприятным планетам — Сатурну и Марсу — с учетом их положений на зодиаке. Элементы протасиса, а именно положения на зодиаке Луны и двух планет, образуют четыре симметричные группы по три созвездия, в точности соответствующие знакам зодиака, выделявшимся позднее в греческой астрологии как тригональный аспект [65]. Можно утверждать, таким образом, что астрологическая

[61] Отсутствует созвездие $^{\text{mul giš}}$GIGIR = *narkabtu*, «Колесница», располагавшееся в северной части современного Тельца. Прохождение Луны или планет через его пределы отмечалось как в предсказательной литературе, так и в текстах наблюдений. В «дневниках» встречаются сообщения: «Венера в созвездии Колесница», или «Луна позади Колесницы». Две звезды из этого созвездия входили в число «нормальных звезд» [Куртик, 2007, g15].

[62] Впервые эклиптика с подразделением на 12 частей встречается в лунных таблицах, датируемых 475 г. [Aaboe, Sachs, 1969; Britton, 1989]. О происхождении 12-частного деления круга эклиптики см. [Ван дер Варден, 1991, с. 90–91].

[63] См. в этой связи [Rochberg-Halton, 1984b; 1987b], а также [Куртик, 1995].

[64] Текст BM 36746, опубликованный в [Rochberg-Halton, 1984b], см. также [Koch-Westenholz, 1995, p. 167–168].

[65] Например: «Если Луна затмилась во Льве... Сатурн и Марс стоят в Овне или в Стрельце...» [Rochberg-Halton, 1984b, p. 136, obv. 5'–6'], или «Если Луна затмилась в Деве... Сатурн и Марс [стоят] в Тельце или в Козероге» [ibid, obv. 10'–

концепция аспектов, и в частности тригональный аспект, имеет месопотамское происхождение.

Большое значение в астрологии более позднего времени имело также понятие планетного возвышения (гипсома), как места на зодиаке, в котором характерное воздействие планеты, положительное или отрицательное, достигает своего максимума. Эта концепция имеет также месопотамское происхождение. Уже в текстах серии *EAE* в связи с Венерой встречается выражение *bīt*(E$_2$) *niṣirti* или *ašar*(KI) *niṣirti*, букв. «дом» или «место сокровища/тайны». Когда Венера достигает этого места на зодиаке, это событие трактуется как благоприятный знак, если проходит мимо, — неблагоприятный [66]. Исследование текстов, содержащих упоминания о «доме тайны», показало, что особые места на зодиаке, выделенные в I тыс. месопотамскими астрологами в связи с Луной, Солнцем и каждой из пяти планет, близко соответствуют принятым в эллинистической астрологии местам возвышений Солнца, Луны и планет [67]. Следовательно, «место тайны» есть месопотамский прообраз эллинистической концепции возвышения планеты.

Важнейшим разделом месопотамской астрологии была также «астрологическая география», в которой устанавливались отношения между светилами — Солнцем, Луной, планетами и звездами — и географическими объектами — городами, храмами, реками, регионами. Подробное рассмотрение см. [Куртик, 2010].

Созвездия, божества, мифы. Небо в Месопотамии считалось местом, где находятся божества [68]. Такого рода представления утвердились, несомненно, уже в шумерский период; однако позднее они приобрели черты, отражающие особенности аккадской религиозной традиции. Хотя, как мы уже говорили в другом месте, не всякое божество из числа «небесных богов» имело астральное значение, но каждое небесное светило было так или иначе связано с божеством из месопотамского пантеона [69]. Элементы иерархи-

11'], или «Если Луна затмилась в Весах... Сатурн и Марс стоят в Водолее или Близнецах» [ibid, p. 137, obv. 16'–17'] и т. д.

[66] Приведем два примера: «Если Венера достигает места тайны, будет удача..» и «Если Венера не достигает места тайны, но исчезает, страна будет огорчена» [Rochberg-Halton, 1988b, p. 53–54; Куртик, 2007, с. 112].

[67] Текстовые свидетельства, а также обзор предшествующей литературы, посвященной данному вопросу, см. [Rochberg-Halton, 1988b; ASM, p. 28–29; Koch, 1999].

[68] Текстовые примеры, относящиеся ко II тыс., см. [CAD Š/1, p. 340–342].

[69] См. в этой связи [Куртик, 2000b]. Астральность и божественность — два разных понятия, связанных с небесной областью. Божество может находиться «на небе» и не иметь астрального значения, т. е. не отождествляться с каким-

ческого устройства, принятые в месопотамском пантеоне, проецировались на небесную область и получали, таким образом, астрологическое или астрономическое значение [70].

Можно выделить следующие три характерных черты в восприятии светил как божеств: 1) светило отождествляется с божеством; наиболее определенно такое отношение засвидетельствовано в молитвах, когда к светилу обращаются на «ты» как к живому существу [71]; 2) светило принадлежит божеству и рассматривается как место, выделенное ему на небе при сотворении мира; 3) светило — это небесный двойник божества [72]. Однако в текстах три указанных варианта восприятия созвездий-божеств разделить не всегда легко [73].

либо небесным светилом, как, например, Ану, Мардук и Игиги в так называемой теории «трех небес» [Куртик, 2000b, с. 132].

[70] Астрономическое значение имело, например, подразделение звездного неба на три зоны, или пути Энлиля, Ану и Эа, которые в астрологической и астрономической литературе регулярно использовались для фиксации положения планет относительно неподвижных звезд и для предсказаний.

[71] Например, в молитве к ночным богам старовавилонского времени и в более поздних молитвах: «Заклинаю вас, звезды на севере, юге, востоке и западе, знаменитые звезды...» (MUL ^{d}IM.GIŠGAL ^{d}IM.SI.SA$_2$ ^{d}IM.KUR ^{d}IM.MAR *šu-pu-tu*$_4$ MUL.MEŠ *a-ḫu-tu*$_4$) [Oppenheim, 1959, p. 283, lines 40–41], или в предохранительных (*namb̆urbi*) ритуалах (молитва к Иштар): «Взываю к тебе, Венера, госпожа битв! Взываю к тебе, Ночь, гордость Ану! Плеяды (стоят) справа от меня, созвездие Почка слева» (*a-ša-as-si-ki* MUL.DIL.BAD *be-let qab-la-a-ti* / *a-ša-as-si-ki mu-ši-tu*$_4$ *kal-la-tu*$_4$ ^{d}*A-ni* / MUL.MUL *ina* ZAG.MU MUL.BIR *ina* GUB$_3$.MU *i-zi-za*) [Caplice, 1970, p. 124–125, lines 12–14]. В текстах II–I тыс. можно найти немало подобных примеров, см. в этой связи [Mayer, 1976; Reiner, 1995; Куртик, 2007].

[72] О сотворении созвездий и об их значении для богов повествуется в первых строках таблицы V космологической поэмы «Энума элиш» («Когда вверху»): «Он (Мардук) устроил стоянки богам великим. / Звезды, их подобия, «изображения» он установил» (*u*$_2$*-ba-aš-šim man-za-za an* DINGIR.DINGIR GAL.MEŠ / MUL.MEŠ *tam-šil-šu-n*[*u*] *lu-ma-ši uš-zi-iz*) [Landsb.–Kinn. Wils., 1961, p. 156, lines 1–2]. В этом поэтическом описании для нас существенны два момента: 1) созвездия в нем трактуются как «стоянки», букв. «места» (*manzāzu*) богов; 2) эти стоянки представляют собой «подобия, точные копии» (*tamšīlu*) божеств и, видимо, поэтому они могут служить объектом при молитвенном обращении к божеству. Слово *lumāšu*, переведенное здесь как «изображение», имеет значения «созвездие» и «изображение-двойник, точная копия» [ibid, p. 170]. В космологическом описании теории «трех небес» в выражении *lumāši ša ilāni* [CAD Š/1, p. 343] оно употребляется в значении «созвездия божеств». Конструкция с генитивом предполагает неполное тождество двух объектов; созвездия — это только образы, начертания божеств, но не сами божества.

[73] Например, в текстах астрономической серии MUL.APIN содержится немало отождествлений типа «Созвездие — божество» без какой-либо связки, фиксирующей соподчиненность, вроде: ^{mul}ŠU.GI ^{d}*En-me-šar*$_2$*-ra* (I i 3), ^{mul}UR.GU.LA

Концепция небесного двойника, засвидетельствованная в текстах конца II тыс., позволяет объяснить (хотя бы частично), каким образом в религиозном сознании жителей Месопотамии сочеталась вера в то, что божество может пребывать в своем видимом земном облике в виде статуи в храмах и одновременно находиться на небе как созвездие. Подобие созвездия и божества мыслилось не буквально, как совпадение их видимых обликов, но мифологически. Символом созвездия на небе, определяющим его фигуру, служило в большинстве случаев не само божество в его антропоморфном или символическом виде, а какой-нибудь связанный с ним священный предмет или животное. В сознании жителей Месопотамии этот предмет, когда он наблюдался как созвездие на небе, отождествлялся с самим божеством.

Как мы уже говорили, в Месопотамии, несомненно, существовала астральная мифология, объяснявшая происхождение божеств-созвездий. Поражает, однако, почти полное отсутствие текстов с описанием подобных мифов[74]. Ничего похожего на собрания мифологических сюжетов, относящихся к созвездиям, которые мы встречаем в греческой традиции у Арата, Псевдо-Эратосфена и Гигина [Гигин, 1997; Россиус, 1992], в Месопотамии не существовало. Отсутствуют тексты, *специально посвященные* изложению астральных мифов. Сюжеты или краткие описания, относящиеся к этой теме, лишь время от времени встречаются как некоторый дополнительный материал в текстах, имеющих другое назначение. Чем объяснить этот удивительный факт? Мы можем предложить лишь два объяснения.

1. Астральные мифы принадлежали изначально к устной традиции. В конце III тыс., когда создавались письменные варианты шумерских мифов, они почему-то не были записаны и остались в сфере устного творчества. Поскольку мифы передавались устно,

---

$^{d}La\text{-}ta\text{-}ra\text{-}ak$ (I i 8), ^{mul}MAR.GID$_2$.DA $^{d}Nin\text{-}lil_2$ (I i 15) и т. д. В этом же сочинении встречаем выражения типа $^{mul\,d}$IM (I ii 9), $^{mul\,d}$AMAR.UD (I i 37), $^{mul\,d}Za\text{-}ba_4\text{-}ba_4$ (I ii 12), предполагающие, по-видимому, генитивную конструкцию, т. е. имеющие значение «звезда божества...»; не исключается также простое тождество «звезда = божество». Здесь же при описании созвездий в зодиакальном поясе употребляется выражение DINGIR^{meš} *ša i-na* KASKAL $^{d}Sîn$ GUB^{meš}-*ma*, «Божества, которые на пути Луны стоят» (I iv 31), свидетельствующее о том, что созвездия, даже в том случае, если в написании имени отсутствуют явные признаки божественности, считались божествами. Имеется также немало случаев, когда имя божества записывается по-аккадски с генитивом: MUL $^{d}A\text{-}nim$, «Звезда бога Ану» [BPO 2, Text III 32].

[74] Описание и анализ известных нам ранних астральных мифов, датируемых III–началом II тыс., в шумерской и аккадской литературе см. [Куртик 2002, с. 290–294].

не существовало единой астральной мифологии, которая оставалась бы неизменной на протяжении столетий. Мифы менялась с течением времени, ранние сюжеты постепенно выходили из употребления и вводились новые, когда в этом возникала необходимость. Без изменений оставались только названия созвездий, имевшие общемесопотамское значение, поскольку они составляли часть письменного канона и фиксировались в лексических и астрологических текстах [75].

2. Астральная мифология, связанная с созвездиями, еще не существовала в период, когда происходила письменная фиксация шумерских мифов. Это могло иметь место в том случае, если в этот период основная масса месопотамских созвездий еще не была выделена, или они еще только находились в процессе формирования. Отсутствие астральной мифологии постепенно восполнялось в дальнейшем. Два известных нам мифологических сюжета, где речь идет о сотворении созвездий, дошли до нас на аккадском языке, что служит аргументом в пользу их достаточно позднего происхождения [76].

Второе объяснение представляется нам более вероятным.

Рассмотрим текстовые свидетельства. Самые ранние дошедшие до нас списки звезд не содержат каких-либо мифологических сюжетов, касающихся созвездий. Характер текстов делает невозможным их появление. Не вызывает, однако, сомнения, что в основе этих списков лежат определенные мифологические и религиозные представления. В этих списках нет случайных названий, не имеющих отношения к божествам или к ритуалам, связанным с их почитанием в храмах.

Имена божеств и священных предметов в ранних списках звезд, имеют исключительно шумерское происхождение. Имена аккадских божеств, отождествляемых с созвездиями, появляются впервые в старовавилонской «Молитве ночным богам», написанной по-аккадски [77].

---

[75] Как мы показали в другом месте, число созвездий, выделявшихся в Месопотамии, возрастало с течением времени, изменялась также связанная с ними терминология [Куртик 2000b, с. 141–144].

[76] Во-первых, миф «Гирра и Эламатум», восходящий к старовавилонскому периоду [Walker, 1983], см. также [Куртик 2002, с. 292–293], во-вторых, эпизод, в котором повествуется о происхождении созвездия Лук в поэме «Энума элиш» (V 86–92), созданной, по-видимому, в конце II тыс. [Я открою тебе, с. 46–47; Куртик, 2007, с. 90–91].

[77] Мы встречаем в ней имя бога войны и чумы Эрры ($^{d}Er_3$-ra), аккадское происхождение которого не вызывает сомнения. Однако в том же тексте приводится имя шумерского бога огня Гибила, записанное логографически (^{d}BIL.GI) [Шилейко, 1924; Dossin, 1935; Horowitz, 2000, p. 196; Hor.-Wass., 1996].

Несколько названий в списках записываются с использованием детерминатива ^{d}, указывающего на божественный статус связанных с ними персонажей [78]. Ряд названий, представленных без детерминатива, совпадают с именами божеств и названиями предметов, игравших определенную роль в культе богов в городах и храмах в эпоху III династии Ура. Есть все основания полагать, что они также имеют божественный статус [79]. Весьма вероятно, что и другие названия в списках звезд, для которых мы не можем пока найти соответствий среди божеств или в ритуальной практике, были также связаны с ритуалом и почитанием богов в Месопотамии в конце III тыс. Это означает, что в основе их отождествления с созвездиями лежат религиозные представления (мифы?), соединенные с установленным распорядком религиозной службы.

Согласно гипотезе С. Лэнгдона [Langdon, 1935, p. 1–2], созвездия в Месопотамии стали выделяться после того как сформировалась система месячных мифов. Каждый такой миф включал фиксированный набор действующих персонажей с определенной символикой. Содержание мифов ежемесячно разыгрывалось в храмах в череде праздников, молитв и жертвоприношений. С некоторого момента символы божеств, праздники которых отмечались в данный месяц, стали соотноситься с созвездиями, восходящими гелиакически в этот месяц. Таким образом возникла система месопотамских созвездий.

Хотя гипотеза Лэнгдона при ее детальной проверке в целом не находит подтверждения, в ней, тем не менее, содержится ряд положений, существенных для истории созвездий, в частности, подчеркивается роль храмового ритуала и мифа.

Как мы уже говорили, не существует текстов, в которых излагались бы специально мифы о созвездиях. Из этого, однако, не следует, что подобных мифов вообще не существовало. В религиозной, астрологической и астрономической литературе II–I тыс. встречается немало эпитетов, коротких мифологических характеристик, касающихся созвездий, которые заставляют предполагать обратное. Однако они настолько коротки, что не позволяют рекон-

[78] Например, ^{d}pa-bil$_2$-sag, ^{d}Šul-gi, ^{d}tir-an-na [MSL XI, p. 108, № 498; p. 133, viii 41; p. 136, ii' 2'; p. 143, x 20].

[79] В Ниппуре и других городах в указанный период отмечались праздники в честь $^{(d)}$balag (вероятно, вид арфы), ^{giš}gigir, «Колесница», ^{giš}apin, «Плуг», а также ma$_2$-an-na, «Небесный корабль» [Sallaberger, 1993, S. 100, 216]. Созвездия с аналогичными названиями встречаются в ранних списках звезд [MSL XI, p. 108, № 396, 398, 404, 407].

струировать мифы, к которым они относятся, в полноте. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В текстах серии *EAE*, в «Астролябиях» и в звездном каталоге серии MUL.APIN содержится немало отождествлений вида «созвездие — божество». Фактически каждое созвездие в ^{mul}APIN связано с каким-либо божеством. Большая часть этих божеств имеют аккадское происхождение, но не все. Принятые в *EAE* и в MUL.APIN отождествления устанавливались, по-видимому, намного позднее времени выделения самих созвездий Хотя некоторые божества, связанные с созвездиями, почитались в Месопотамии уже в III тыс., однако их астральное значение засвидетельствовано лишь во второй половине II тыс. и позднее[80]. Мифологическая основа названий созвездий, встречающихся в списках звезд первой половины II тыс., уже была к этому времени, по-видимому, забыта. Вновь вводимые отождествления восполняли недостаток астральной мифологии. Возможно также, что в них фиксировалось устное предание, касающееся созвездий, и это означает, что отождествления, хотя они появились в текстах намного позднее времени выделения созвездий, могли содержать данные, восходящие к ранней эпохе.

Рассмотрим два примера.

1. Созвездие MUL.MUL = *zappu*, шум. «Звезды»[81], акк. «Щетина», современные Плеяды. Шумерское название впервые встречается в раннем списке звезд из Ниппура (с него начинается список) [MSL XI, p. 107, № 388], аккадское — в старовавилонской «Молитве ночным богам» [Dossin, 1935, p. 181, ln. 18]. Отождествляется с божествами ^{d}IMIN.BI = *ilū sibitti*, «Семь богов», впервые в серии *EAE* и в «Астролябиях» [Куртик, 2007, с. 224]. Символ

[80] Например, богиня ^{d}*Išḫara* как астральная богиня (= ^{mul}GIR$_2$.TAB, «Скорпион») появляется впервые только в серии *EAE* [BPO 2, Text X 19]; богиня целительница ^{d}*Gula* (= ^{mul}UZ$_3$, «Коза») — в MUL.APIN (I i 24); божество ^{d}LI$_9$.SI$_4$ (часть созвездия GIR$_2$.TAB, звезда α Sco, Антарес) впервые встречается в серии *EAE* [BPO 2, Texts III 11c, V 1]; божества-близнецы ^{d}Lugal-gir$_3$-ra и ^{d}Mes-lam-ta-e$_3$-a (связаны с созвездием ^{mul}MAŠ.TAB.BA.GAL.GAL, «Большие Близнецы») — в серии *EAE* [BPO 2, Texts IV 2a и др.]. То же самое касается целого ряда других богов, отождествлявшихся с созвездиями. Указанные божества почитались в различных храмах Месопотамии уже в эпоху III династии Ура [Sallaberger, 1993, S. 3, 29, 125, 153, 225–226, 254], а некоторые гораздо раньше. Имена ^{d}pa-bil$_3$-sag, ^{d}gu$_2$-la$_2$, ^{d}za-ba$_4$-ba$_4$, ^{d}gibil$_6$, ^{d}mes-lam-ta-è-a встречаются уже в самом раннем известном списке богов из Фары (XXVI в.) [Krebernik, 1986].

[81] Если первый знак mul интерпретировать как детерминатив, то шумерское название будет означать просто «Звезда», однако такое прочтение не подтверждается позднейшими отождествлениями созвездия с группой богов.

на печатях — семь точек (в селевкидский период — семь звезд); известны также антропоморфные изображения божественной Семерки новоассирийского времени. «Семь богов» считались «великими божествами» ($DINGIR^{meš}$ $GAL^{meš}$), в тексте MLC 1866 iv 10 характеризуются как «сыновья Ану», по другой версии, они — сыновья Энмешарры [Куртик, 2007, с. 130, 224–225]. Связанные с ними предсказания носят зачастую неблагоприятный характер [82]. В MUL.APIN (I i 31) созвездие Олень (^{mul}LU.LIM) характеризуется как посланник (SUKKAL) созвездия Звезды [MA, p. 27].

Приведенный материал, хотя он и достаточно обширен, не позволяет тем не менее реконструировать историю созвездия полностью. Очевидно, Семь богов соответствуют числу звезд, выделявшихся в созвездии Звезды [83]. Неясно, однако, что означает аккадское название созвездия *zappu*, «Щетина»? [84] Каким образом связаны и связаны ли вообще между собой три приведенных выше названия — MUL.MUL, *zappu* и ^{d}IMIN.BI? Складывается впечатление, что эти названия независимы, их объединяет только обозначаемый предмет, к которому они относятся. Возможно в Месопотамии первоначально существовало несколько независимых традиций наименования созвездий, которые в дальнейшем были объединены вместе. Совершенно непонятно также, почему созвездие Олень связано с созвездием Звезды? Очевидно, связь эта носит мифологический характер, но лежащая в ее основе мифологема, остается нераскрытой.

2. Созвездие GIR_2.TAB = *zuqaqīpu*, «Скорпион», соответствует современному Скорпиону. Шумерское название впервые встречается в списке звезд из Ниппура [MSL XI, p. 108, № 405], аккадское — в лексической серии ḪAR-ra = *ḫubullu* (копия из Эмара XIII в.) [Куртик, 2007, с. 159]. Отождествляется с богиней ^{d}*Išḫara* в серии *EAE*, «Астролябиях», списках звезд новоассирийского времени, а также в MUL.APIN (I ii 29) [ibid, p. 232]. Ишхара — одна из наиболее древних месопотамских богинь, по-видимому, семитского происхождения. Известна со староаккадского времени, почиталась в различных храмах Месопотамии в эпоху III династии

[82] Общее астрологическое значение: «Семь богов для (предсказания) гибели скота» [Куртик, 2007, с. 226].

[83] Число звезд в Плеядах месопотамские астрономы определяли по-разному [Куртик, 2007, с. 345], однако число 7 по частоте встречаемости намного превосходит все остальные варианты.

[84] Высказывается предположение, что оно относилось к фигуре созвездия Небесный бык (эквивалент современного Тельца) и располагалось на его загривке. Однако в текстах MUL.MUL всегда фигурирует как самостоятельное созвездие, не связанное с $^{mul}GU_4$.AN.NA [Куртик, 2007, g33, m35].

Ура [Sallaberger, 1993, S. 46, 111, 125, 205, 222]. Однако нет оснований полагать, что она имела какое-либо астральное значение в этот период. Символ Ишхары на кудурру — скорпион [Seidl, 1968, S. 156–157], в одной из «Астролябий» определяется как «богиня неба и земли» [Walker, Hunger, 1977, S. 30, № 23] [85]. В «Большом списке звезд» содержится несколько отождествлений, имеющих мифологический характер, в том числе: «Скорпион = Ишхара», «Скорпион = Ишхара, Тиамат», «Скорпион = Тиамат»; в другом списке: «Скорпион = Ишхара моря», где «море», по-видимому, соответствует Тиамат [Куртик, 2007, с. 232].

Здесь, как и в предыдущем случае, имеющиеся сведения об отождествлении созвездия Скорпион с богиней Ишхара не позволяют реконструировать миф, лежащий в основе отождествления. Неясно, что связывает богиню Ишхару и созвездие Скорпион. Мифологические отождествления, которые приведены в «Большом списке звезд» и других новоассирийских списках, все достаточно поздние. В них упоминается имя богини Тиамат, героини космологической поэмы «Энума элиш», созданной не ранее конца II тыс.

Два приведенных примера иллюстрируют те трудности, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь реконструировать мифологемы, лежащие в основе отождествлений «созвездие — божество», встречающихся в астрологических и астрономических текстах I тыс.

В заключение кратко рассмотрим роль божеств-созвездий в различных областях месопотамской культуры. Божества-созвездия не пользовались в Месопотамии такой же популярностью и влиянием, как три главных астральных божества — Син, Шамаш и Иштар, связанные соответственно с Луной, Солнцем и Венерой. Известно немного текстов, посвященных божествам-созвездиям, которые можно было бы сопоставить с множеством мифов, гимнов и молитв (шумерских и аккадских), посвященных трем главным астральным божествам. Тем не менее роль божеств-созвездий была значительной. До нас дошло немало молитвенных обращений к ним в текстах различного происхождения [86].

Божества-созвездия имели большое значение в медицинской практике при изготовлении лекарств. Предполагалось, что лекарство приобретет целебную силу лишь в том случае, если оно будет помещено на некоторое время «под/перед звездами» (*ina*

[85] Близкий эпитет содержится в серии MUL.APIN (I ii 29): «Ишхара — владычица населенных частей земли» [MA, p. 38].

[86] См. в этой связи [Mayer, 1976], а также [Куртик, 2007].

MUL.MEŠ). Особую роль при этом играло созвездие $^{mul}UZ_3$ «Коза» (современная Лира), отождествлявшееся с богиней-целительницей Гулой ($^{d}Gu\text{-}la$). В медицинских текстах встречаются также молитвы к созвездиям ^{mul}SIPA.ZI.AN.NA («Истинный Пастух Небес», совр. Орион), ^{mul}MAR.GID$_2$.DA («Колесница», совр. Большая Медведица), ^{mul}GIR$_2$.TAB (Скорпион) и ряду других. Предполагалось, что болезни приходят от звезд и поэтому особое значение имели обращения к божествам-созвездиям, как возможность противодействовать этой опасности [Reiner, 1995, p. 52–55].

Обращения к божествам-созвездиям встречаются также в предсказательных текстах. Самым ранним примером может служить старовавилонская «Молитва ночным богам». Смысл обращения состоит в том, чтобы получить благоприятные знаки во время гадания по внутренностям жертвенного животного (эксциспиция).

Роль звезд/созвездий в предсказаниях разного вида сводилась к трем пунктам: 1) в астрологии звезды непосредственно предсказывали будущие события; 2) как божества, они влияли на исход других видов предсказаний (не только эксциспиции); 3) астрология использовалась для проверки предсказаний, полученных другими способами. Гадание по звездам вызывало у жителей Месопотамии, по-видимому, наибольшее доверие. Во время гадания обращались как к звездам вообще, так и к конкретным звездам или созвездиям. Звездное небо незримо присутствовало при совершении любого вида гадания, даже если оно производилось днем [Reiner, 1985; 1995, p. 69–72].

«Ночные божества» играли важную роль в различного рода магических ритуалах, связанных с опасностью, которая угрожала царю при наблюдении какого-либо неблагоприятного знамения, например, затмения Луны или опасного движения Марса. В новоассирийский период при этом нередко совершались молитвы с «воздеванием рук» (šu.il$_2$.la), обращенные к Луне, планетам и звездам/созвездиям [87], а также защитительный ритуал намбурби (nam.bur$_2$.bi = *namburbû*, букв. «его (зла) развязывание») против всех видов зла, который включал также молитвы к ночным бо-

[87] См. [Reiner, 1995, p. 17–18]. В новоассирийском письме эксперт сообщает царю о ритуалах, которые должны быть совершены в связи с наблюденным (очень опасным) затмением Луны. В частности, он пишет: «3 молитвы с «воздеванием рук» (должны быть произнесены) перед Нуску (возможно, Меркурий), 3 перед Луной, 3 перед Плеядами, 2 перед Сириусом, 3 перед Марсом, 2 перед Вегой» [LABS, 240:5–9].

гам[88]. Другие примеры использования богов-созвездий в магических ритуалах см. [Reiner, 1995].

С течением времени роль божеств-созвездий в Месопотамии становится более значительной. Максимума она достигает во второй половине I тыс. От селевкидского времени до нас дошло описание многодневного ритуала, совершаемого в новогодний праздник в центральном вавилонском храме Эсагила. Ритуал включал ряд молитв к астральным богам, в том числе молитвы к 5 планетам и 15 божествам-созвездиям[89]. Неизвестно, когда был установлен подобный распорядок службы, однако, несомненно, что в I тыс. почитание созвездий и планет как богов уже вышло за пределы практики предсказаний и получило общемесопотамское значение.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00023-а).

Список литературы

Афанасьева, 1997	От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступ. статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой.—СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997.
Афанасьева, 2007	*Афанасьева В.К.* Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья.—М.: Водолей, 2007.
Ван дер Варден, 1991	*Ван дер Варден Б.Л.* Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии / Пер. с англ. Г.Е. Куртика, под ред. А.А. Гурштейна.—М.: Наука, 1991.
ВДИ	Вестник древней истории.
ВИЕТ	Вопросы истории естествознания и техники.
Гигин	*Гигин.* Астрономия / Пер. с лат., комм. А.И. Рубана.—СПб.: Алетейя, 1997.
Емельянов, 2003	*Емельянов В.В.* Ритуал в Древней Месопотамии.—СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2003.
ИАИ	Историко-астрономические исследования.
Канева, 1996	*Канева И.Т.* Шумерский язык.—СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

[88] См. [Reiner, 1995, p. 81-83; Caplis, 1974]. Заклинание из серии намбурби, содержащее обращение к Плеядам: «Ты режешь жертвенного (козленка) перед Звездами и произносишь вслух: “Семеро, божества великие, зло это погасите”» [Caplice, 1971, p. 142, lines 6–7; Куртик, 2007, p. 344].

[89] См. [RAcc, p. 136–139; Reiner, 1995, p. 138 и сл.], фрагментарный перевод на русский см. [Емельянов, 2003, с. 282–283].

Куртик, 1995 — *Куртик Г.Е.* История Зодиака согласно клинописным источникам // ВДИ. 1995. Вып. 1. С. 175–188.

Куртик, 1998 — *Куртик Г.Е.* Астральная символика в древней Месопотамии III тыс. до н.э. // ВИЕТ. 1998. Вып. 2. С. 20–44.

Куртик 1999 — *Куртик Г.Е.* О выделении планет в древней Месопотамии // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1998 г.—М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 359–362.

Куртик 2000a — *Куртик Г.Е.* Отождествление Инанны с планетой Венера как критерий для определения времени выделения созвездий в Древней Месопотамии // ВДИ. 2000. Вып. 1. С. 89–98.

Куртик 2000b — *Куртик Г.Е.* Созвездия Древней Месопотамии (II–I тыс. до н.э.) // ИАИ. 2000. Вып. XXV. С. 128–154.

Куртик 2002 — *Куртик Г.Е.* Ранняя история месопотамских созвездий (К проблеме происхождения созвездий) // ИАИ. 2002. Вып. XXVII. С. 259–308. (Статья перепечатана в сборнике: Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002. С. 186–229).

Куртик, 2005 — *Куртик Г.Е.* Наблюдения гелиакических восходов и заходов звезд в Древней Месопотамии // ИАИ. 2005. Вып. XXX. С. 105–116.

Куртик 2007 — *Куртик Г.Е.* Звездное небо Древней Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил.—СПб.: Алетейя, 2007.

Куртик 2008 — *Куртик Г.Е.* Венера как богиня Инанна/Иштар в шумерской астрономии // ВИЕТ. 2008. Вып. 4. С. 35–49.

Куртик 2009a — *Куртик Г.Е.* Наблюдения Венеры в архаическом Уруке: проблема и исследование / 2009. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция.—М.: 2009. С. 286–289.

Куртик, 2009b — *Куртик Г.Е.* Лунное божество Нанна/Суэн в шумерской астрономии // ИАИ. 2009. Вып. XXXIV. С. 111–136.

Куртик, 2010 — *Куртик Г.Е.* Астрологическая география в Древней Месопотамии // ВИЕТ. 2009. Вып. 1. С. 31–41.

Ллойд, 1984 — *Ллойд С.* Археология Месопотамии / Пер. с англ.—М.: Наука, 1984.

Оппенхейм, 1990 — *Оппенхейм А.* Древняя Месопотамия / Пер. с англ. 2-е изд.—М.: Наука, 1990.

Россиус, 1992	Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Пер. и комм. А.А. Россиуса, вступ. статья Г.М. Дашевского, под ред. Н.А. Федорова и П.В. Щеглова.—М.: Изд-во МГУ, 1992.
Франкфорт и др., 1984	*Франкфорт Г., Франкфор Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии / Пер. с англ.—М.: Наука, 1984.
Шилейко, 1924	*Шилейко В.К.* Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева // Известия российской академии истории материальной культуры. 1924. Т. 3. С. 144–152.
Я открою тебе	Я открою тебе сокровенное слово (Литература Вавилонии и Ассирии) / Пер. с аккадского. Сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова.—М.: Художественная литература, 1981.
Aaboe, Sachs, 1969	*Aaboe A., Sachs A.* Two Lunar Texts of the Achaemenid Period from Babylon // Centaurus. 1969. V. 14. P. 1–22.
ACh	*Virolleaud C.* L'astrologie chaldéenne, le livre intitulé «enuma (Anu) ^{ilu}Bêl», publié, transcrit et traduit. Fascicules 1–14.—Paris, 1905–1912.
AfO	Archiv für Orientforschung.
Al-Rawi, George, 1991–1992	*Al-Rawi F., George A.R.* Enūma Anu Enlil XIV and Other Early Astronomical Tablets // AfO. 1991–1992. Bd. 38–39. S. 52–73.
ARAK	*Hunger H.* Astrological Reports to Assyrian Kings.—Helsinki, 1992 (State Archives of Assyria, VIII).
ASM	*Hunger H., Pingree D.* Astral Sciences in Mesopotamia.—Leiden–Boston–Köln, 1999.
BPO 1	*Reiner E., Pingree D.* The Venus Tablet of Ammisaduqa.—Malibu: Undena Publication, 1975 (Babylonian Planetary Omens: Part One).
BPO 2	*Reiner E., Pingree D.* Enūma Anu Enlil, Tablets 50–51.—Malibu: Undena Publications, 1981 (Babylonian Planetary Omens: Part Two).
BPO 3	*Reiner E., Pingree D.* Babylonian Planetary Omens. Part Three.—Groningen: STYX Publications, 1998.
BPO 4	*Reiner E., Pingree D.* Babylonian Planetary Omens. Part Four.—Leiden–Boston: Brill-Styx, 2005.
Britton 1989	*Britton J.P.* An Early Function for Eclipse Magnitudes in Babylonian Astronomy // Centaurus. 1989. V. 32. P. 1–52.
CAD	The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.—Chicago.

Caplice, 1970	*Caplice R.* Namburbi Texts in the British Museum IV // Or. 1970. V. 39, Fasc. 1. P. 111–151.
Caplice, 1971	*Caplice R.* Namburbi Texts in the British Museum V // Or. 1971. V. 40. P. 133–183.
Caplice, 1974	*Caplice R.* The Akkadian Namburbi Texts: An Introduction.—Los Angeles, 1974.
Chadwick, 1993	*Chadwick R.* Identifying Comets and Meteors in Celestial Observation Literature / Die Rolle der Astronomie in der Kultiren Mesopotamiens.—Graz, 1993.
Dossin, 1935	*Dossin G.* Prières aux «Dieus de la nuit» (AO 6769) // RA. 1935. V. 32, № 4. P. 179–190.
ETCSL	*Black J.A., Cunningham G., Ebeling J., Flückiger-Hawker E., Robson E., Taylor J., Zólyomi G.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature.—Oxford 1998–2006. (http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/).
Falkenstein, 1966	*Falkenstein A.* «Wahrsagung» in der sumerischen Überlieferung / La divination en Mésopotamie ancienne.—Paris, 1966. P. 45–68.
Gössmann, 1950	*Gössmann P.F.* Planetarium Babylonicum.—Rom, 1950.
Gütterbock, 1988	*Gütterbock H.G.* Bilingual Moon Omens from Boğazköy / A scientific humanist: Studies in memory of Abraham Sachs.—Philadelphia, 1988. P. 161–173.
Horowitz, 2000	*Horowitz W.* Astral Tablets in the Hermitage, Saint Petersburg // ZA. 2000. Bd. 90. S. 194–206.
Hor.-Wass., 1996	*Horowitz W., Wasserman N.* Another Old Babylonian Prayer to the Gods of the Night // JCS. 1996. V. 48. P. 57–60.
Huber, 1987	*Huber P.* Dating by Lunar Eclipse Omina / From Ancient Omens to Statistical Mechanics / Ed. J.L. Berggren & B.R. Goldstein.—Copenhagen: University Library, 1987. P. 3–13.
JAOS	Journal of the American Oriental Society.
JCS	Journal of Cuneiform Studies.
JNES	Journal of Near Eastern Studies.
JRAS	The Journal of the Royal Asiatic Society.
Koch, 1999	*Koch J.* Die Planeten-Hypsomata in einem babylonischen Sternenkatalog // JNES. 1999. V. 58. P. 19–31.
Koch-Westenholz, 1993	*Westenholz U.K.* Mesopotamian Astrology at Hattusas / Die Rolle der Astronomie in den Kulturen Mesopotamiens.—Graz, 1933. S. 231–246.
Koch-Westenholz, 1995	*Koch-Westenholz U.* Mesopotamian Astrology.—Copenhagen, Museum Tusculanum Press, 1995.

Krebernik, 1986	*Krebernik M.* Die Götterlisten aus Fara // ZA. 1986. Bd. 76, Halbband II. S. 161–204.
Krebernik, 1992	*Krebernik M.* Mesopotamian Myth at Ebla: ARET 5,6 and ARET 5,7 / Literature and Literary Language at Ebla / Ed. P. Fronzaroli, Univ. di Firenze, 1992. P. 63–149.
Krebernik, 1995	*Krebernik M.* Mondgott // RlA. 1995. Bd. 8, Lief. 5–6. S. 360–369.
Labat 1976	*Labat R.* Manuel d'épigraphie akkadienne.—Paris, 1976.
LABS	*Parpola S.* Letters from Assyrian and Babylonian Scholars.—Helsinki, 1993 (State Archives of Assyria. V. X).
Lambert, 1969	*Lambert W.G.* Götterlisten // RlA. 1969. Bd. 3, Lief. 6. S. 473–479.
Landsberger, 1967	*Landsberger B.* Über Farben im Sumerisch-Akkadischen // JCS. 1967. V. 21. S. 139–173.
Landsb.–Kinn. Wils., 1961	*Landsberger B., Kinnier Wilson J.V.* The Fifth Tablet of Enūma Eliš // JNES. 1961. V. 20, № 3. P. 154–179.
Langdon, 1935	*Langdon S.* Babylonian Menologies and the Semitic Calendars.—London: Oxford Univ. Press, 1935.
Largement, 1957	*Largement R.* Contribution à l'Etudes des Astres errants dans l'Astrologie chaldéenne // ZA. 1957. Bd. 18. S. 235–264.
MA	*Hunger H., Pingree D.* MUL.APIN An Astronomical Compendium in Cuneiform.—Horn, 1989 (Archiv für Orientforschung, Beiheft 24).
Mander, 1986	*Mander P.* Il pantheon di Abū Ṣālabīkh.—Neapel, 1986.
Mayer, 1976	*Mayer W.R.* Untersuchungen zur Formensprache der babylonischen «Gebetsbeschwörungen» / Studia Pohl: Series Maior 5.—Rome: Biblical Institute Press, 1976.
MSL XI	Materials for the Sumerian Lexicon. V. XI. The Series HAR-ra = *hubullu*. Tablets XX-XXIV / Ed. by E. Reiner with the coll. of M. Civil.—Roma, 1974.
MSL XIV	Materials for the Sumerian Lexicon. V. XIV. Ea A = = *nâqu*, Aa A = *nâqu* with their Forerunners and Related Texts / Ed. by M. Civil and W.G. Lambert.—Roma, 1979.
Oppenheim, 1956	*Oppenheim A.L.* The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East.—Philadelphia, 1956.
Oppenheim, 1959	*Oppenheim A.L.* A New Prayer to the «Gods of the Night» // Analecta biblica. V. 12.—Roma, 1959.
Or	Orientalia (Roma).

Pettinato, 1982	*Pettinato G.* Testi lessicali bilingui della biblioteca L. 2769. Parte I: Translitterazione dei testi e recostruzione del VE.—Napoli, 1982 (Materiali Epigrafici di Ebla, 4).
RA	Revue d'assyriologie.
RAcc	*Thureau-Dansin F.* Rittuels accadiens.—Paris, 1921.
Reiner, 1985	*Reiner E.* The Uses of Astrology // JAOS. 1985. V. 105, № 4. P. 589–595.
Reiner, 1995	*Reiner E.* Astral Magic in Babylonia.—Philadelphia, The American Philos. Society, 1995.
RlA	Reallexikon der Assyriologie.
Rochberg, 2004	*Rochberg F.* The Heavenly Writing. Cambridge Univ. Press, 2004.
Rochberg-Halton, 1984a	*Rochberg-Halton F.* Canonicity of Cuneiform Texts // JCS. 1984. Bd. 36. P. 127–144.
Rochberg-Halton, 1984b	*Rochberg-Halton F.* New Evidence for the History of Astrology // JNES. 1984. V. 43, № 2. P. 115–140.
Rochberg-Halton, 1987a	*Rochberg-Halton F.* The Assumed 29th *ahû* Tablet of *Enūma Anu Enlil* / Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies presented to Erica Reiner / Ed. F. Rochberg-Halton.—New-Haven (Conn.): Amer. Orient. Soc., 1987. P. 327–350.
Rochberg-Halton, 1987b	*Rochberg-Halton F.* TCL 16: Mixed Tradition in Late Babylonian Astrology // ZA. 1987. Bd. 77. S. 207–228.
Rochberg-Halton, 1988a	*Rochberg-Halton F.* Aspects of Babylonian Celestial Divination: The Lunar Eclipse Tablets of Enūma Anu Enlil.—Horn, 1988 (Archiv für Orientforschung, Beiheft 22).
Rochberg-Halton, 1988b	*Rochberg-Halton F.* Elements of the Babylonian Contribution to Hellenistic Astrology // JAOS. 1988. V. 108. P. 51–62.
Sallaberger, 1993	*Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III-Zeit. Teil 1–2.—Berlin–N.Y.: Walter de Gruyter, 1993.
Seidl, 1968	*Seidl U.* Die babylonischen Kudurru-Reliefs // Deutsches Archaologisches Institut, Baghdader Mitteilungen. 1968. Bd. 4. S. 1–220.
Soden, 1936	*Soden W. von.* Ein Opferschaugebet bei Nacht // ZA. 1936. Bd. 43 (N.F. 9). S. 305–308.
Soldt, 1995	*Soldt W.H. van.* Solar Omens of Enūma Anu Enlil: Tablets 23(24)-29(30).—Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1995.
Tallqvist, 1938	*Tallqvist K.* Akkadische Götterepitheta.—Helsingforsiae, 1938.

Verderame, 2002 — *Verderame L.* Le Tavole I–VI della serie astrologica Enūma Anu Enlil.—Roma: Di.Sc.A.M., 2002.

Walker, 1983 — *Walker Ch.* The Myth of Girra and Elamatum // Anatolian Studies. 1983. V. 33. P. 145–152.

Walker, Hunger, 1977 — *Walker C.B.F.*, *Hunger H.* Zwölfmaldrei // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesselschaft. 1977. Bd. 109. S. 27–34.

Weidner, 1941–1944 — *Weidner E.* Die astrologische Serie Enûma Anu Enlil // AfO. 1941–1944. Bd. 14. S. 172–195, 308–312.

Weidner, 1954–1956 — *Weidner E.* Die astrologische Serie Enûma Anu Enlil // AfO. 1954–1956. Bd. 17. S. 71–89.

Weidner, 1968–1969 — *Weidner E.* Die astrologische Serie Enûma Anu Enlil // AfO. 1968–1969. Bd. 22. S. 65–75.

Wilcke-Seidl, 1976 — *Wilcke C.*, *Seidl U.* Inanna/Ištar // RLA. 1976. Bd. 5, Lief. 1–2. S. 74–89.

ZA — Zeitschrift für Assytiologie.

ZATU — *Green M.W.*, *Nissen H.J.* Zeichenliste der Archaischen Texte aus Uruk.—Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1987 (Archaische Texte aus Uruk, Bd. 2).